

Александр Лозовский

Суд.

Божественная трагикомедия.

Действующие лица:

Герой
Обвинитель
Защитник.

Сцена почти пуста, только лицом к зрителям расположились три удобных легких кресла, два по краям и одно в центре. Перед каждым небольшой столик, на котором бумаги и графин воды со стаканом. На левом столике, как у шахматистов, висит табличка «Защитник», на правом — «Обвинитель». Над средним креслом белый экран.

Экран загорается, и на нем появляются кадры выступлений популярных деятелей искусства: читает стихи Евтушенко, поет Окуджава, читает Жванецкий, поет Высоцкий, выступает Юрский, выступает Галич и т. д. В конце этого поурри — бурные овации, на экране герой с гитарой, он заканчивает песню, раскланивается; цветы, крики «браво», поцелуи. Затем он продирается сквозь толпу поклонников к автомобилю, раздавая автографы, садится за руль и уезжает.

Голос героя звучит за кадром.

Герой. Хочу рассказать вам правдивую историю о том, как я оказался в чистилище, на высшем божьем суде. Нелёгкое, должен признаться испытание. И если разбирательство моего дела началось не слишком серьёзно, может даже немного фривольно, то к концу процесса всё стало выглядеть куда более сложным... Впрочем, лучше по порядку.

(В дальнейшем все сказанное героем иллюстрируется на экране).

После отличного концерта, в самом распрекраснейшем состоянии духа я возвращался на дачу на своем любимом БМВ. Были ранние сумерки, погода отличная, настроение еще лучше. Прямое, как стрела загородное шоссе. Машина работала как часы — только после техосмотра. Последние полгода вообще выдались на редкость удачными — и в работе, и на личном фронте. Ничто, как это и бывает чаще всего, не предвещало беды.

Вдруг я почувствовал необыкновенную легкость в руле, машина резко пошла влево, я крутанул вправо — ничего, никакой реакции! Черт, опять что-то привинтить забыли! Внезапно загремело внизу, под кабиной, машина еще круче пошла к центру дороги. Очень четко помню: замедленно, увеличиваясь какими-то скачками, на меня надвигается грузовик, заслоняет небо...

Да, именно так все и началось, хотя в тот момент я подумал, что все кончилось. Грузовик, надвигающийся на меня, потом чистый лист памяти, потом я обнаружил себя стоящим возле очень больших ворот в бесконечной, уходящей вправо и влево за горизонт, светло-серой стене. Под ногами плотный песок, наверху белесое бесцветное небо. Представили себе? С шагом эдак метров двести тоже в бесконечность уходил ряд точно таких же ворот в этой стене, и возле каждого ворот, насколько видел глаз, стоял человек в чем-то белом. Я взглянул на свою одежду — вроде белой простыни с отверстием для головы, на ногах сандалии. Что со мной? Где я?

Над воротами надпись золотом на белом: «Каждому свое». Я похолодел от страха — концлагерь? Тогда почему написано по-русски? Но тут моя образованность взяла верх над паникой. Я вспомнил — Данте задолго до фашистов утверждал, что такая надпись красуется над входом в чистилище. Та-ак! Похоже на то, что я умер, похоже, что я на пороге чистилища, похоже, что это все не выдумки... А значит, и ад, и рай недалеко.

Краем глаза заметил, что мой сосед или соседка слева — не различил на расстоянии — вошел в свои ворота, а на его месте тотчас появилась другая фигура в белом. «Так, еще

один преставился. Раб божий...» — как-то по-церковнославянски подумал я. В это время из ворот вышел человек в белом балахоне и с огромной связкой ключей в руках. «Да это же апостол Петр!» - мелькнула догадка. В ответ на эту мысль апостол важно кивнул, величественно поманил меня пальцем, повернулся и вошел в ворота. С любопытством ожидал я чудес при входе в чистилище, надеялся увидеть толпы томящихся грешников, в волнении ждущих решения своей участи, но не встретил никого и ничего. Довольно короткая арка в стене заканчивалась солидной дверью, над которой была тоже солидная надпись — черные буквы на белом фоне: «Высший Божий суд».

Апостол Петр, ни слова не говоря, открыл дверь, жестом пригласил меня пройти, и дверь за мной беззвучно закрылась.

Гаснет экран. Где-то по центру сцены открывается дверь, и появляется герой в белом балахоне и сандалиях на босу ногу. Он внимательно обследовал обстановку на сцене и методом исключения решил, что среднее кресло для него. Сел, налил в стакан воды; засомневался — а вдруг не вода, вдруг что-то такое, что пить человеку нельзя? Потом криво ухмыльнулся — что с ним может случиться после смерти? — и лихо осушил стакан.

В дальнейшем станет понятно, что невидимый для зрителей Бог расположен где-то над партером, а по левую руку от него, тоже вне сцены, и тоже примерно где-то в партере условно разместятся 12 присяжных — 12 апостолов. На краю сцены часть ограждения, которая якобы отделяет присяжных от зала суда.

Внезапно с левой стороны врывается стремительный смуглый человечек небольшого роста. У него черные с сединой растрепанные волосы. За ним тянется дымок, как за старой автомашиной. Привычным жестом человечек папкой развеивает этот дымок, подбегает к герою, протягивает ему руку и одновременно похлопывает его по плечу. Его руки несинхронно занимают каждая своим делом.

Защитник. Будем знакомиться. Я ваш защитник. Командирован из... словом, командирован специально для вашей защиты. Я о вас знаю все, поэтому для взаимного доверия неплохо, чтобы и вы обо мне узнали побольше, не правда ли?

Герой. Да, конечно, разумеется. *С подозрением принимает.*

Защитник. Зовут меня Мирон Касс. Я был дипломированным и довольно известным адвокатом с 1860 по 1892 год в Киеве и Санкт-Петербурге. В то время имя мое часто можно было встретить в прессе и специальных изданиях. Да... *(Мечтательно.)* Были времена.

Герой *(продолжает принимать).* Мирон Кац? Вы еврей?

Защитник. А что, похож?

Герой. Есть немножко.

Защитник. Типичный вопрос. Я от вас его ожидал. Что ж это у вас, господа евреи, за мания такая — везде искать своих? Моя фамилия Касс. Касс! С двумя «с». Зарубите себе на носу. И вообще! Здесь, на пороге вечности, со всякой ерундой! Нечем больше заняться? О душе лучше подумайте!.

Герой *(обиженно).* Если обидел вас незаслуженным подозрением, то прошу меня простить...

Защитник. Так, пошли национальные амбиции...

Герой. Какие амбиции? У меня разные амбиции. Вас интересуют по отцу или по матери?

Защитник. Знаю, прекрасно знаю, что вы полукровка. Еврей по матери, русский по отцу. А знаете ли вы, что общего между евреем и антисемитом? Нет? В каждом более-менее известном человеке тот и другой подозревают еврея. Вы замечали такое явление? Противоположности сходятся. Парадокс, дорогой мой, парадокс. Так что обе ваши ипостаси — по матери и по отцу — не случайно дружно во мне заподозрили еврея. Хотя

по разным причинам. Ха-ха!.. Но шутки в сторону, займемся делом. Хватит зубоскалить. Ко мне есть еще вопросы?

Герой. Есть один. *(Продолжает принюхиваться.)* Вы так долго не практиковали...

Защитник. Иду ли я в ногу со временем? Не отстал ли? Не волнуйтесь. Практики у меня хоть отбавляй. Меня очень часто вызывают на защиту в особо сложных случаях.

Герой *(испуганно)*. Мой случай особо сложный?

Защитник. Ха-ха! А то вы сами не знаете! При вашей-то биографии да при вашей профессии! Да при вашем влиянии на массы людей...

Герой. Но я никого не убил, не ограбил, не... Не убий, не укради — что там дальше в заповедях?

Защитник *(ехидно)*. Не прелюбодействуй...

Герой *(смущенно)*. Ах, это...

Защитник. Если бы только это!.. Хотя и этого немало. А вот ваше творчество плюс ваше смутное время, да с вашим характером в придачу... Очень тяжелый случай и с юридической, и с моральной, и со всех точек зрения... Милый мой, что вы все ко мне принюхиваетесь? Скажите прямо! Между нами не должно быть недомолвок.

Герой *(смущенно)*. От вас дымком тянет. И даже серой. Простите, но вы случайно не из этих, не из нечистой силы?

Защитник. Неужели похож?

Герой. Есть немного.

Защитник. С кем поведешься... Неужели до сих пор дым идет?

Герой. Нет, дыма нет, но запах... Как от шашлыка на пикнике.

Защитник *(заходится смехом до слез)*. Шашлык, ха-ха! Ох, не могу, шашлык!.. Не в бровь, а в глаз. Что значит мастер слова! А я и есть шашлык. Самый настоящий. Шашлык! Я, дорогой мой, грешник из ада, и в свободное от командировок время со мной там, в аду, происходит то, что положено по моему статусу.

Герой *(в ужасе)*. Вас там действительно жарят?!

Защитник. А вот этого, запомните, до конца процесса вам знать не положено. Ни что делается в аду, ни как наслаждаются в раю. Ни малейших сведений.

Герой. Почему?

Защитник. Для чистоты процесса. Вы не должны думать о том, что будет. Только о том, что было. Вот так... Ладно, время не ждет. Сейчас сюда явится обвинитель из рая госпожа Васильева, и я хочу успеть до ее прихода кое-что посоветовать вам, так сказать, наедине.

Герой. Из рая?

Защитник. Да, у нас так положено. Защитник приглашается из ада, чтобы доказывать, что не все так плохо, а обвинитель командирован из рая и убеждает, что все не так хорошо. Каждый — специалист в своей области. Это справедливо, согласитесь. Госпожа Васильева очень опасный противник, прекрасная женщина с высокими принципами. Я бы сказал, очень высокими. Даже слишком высокими. Известный борец за справедливость. Профессор юриспруденции, преподаватель московского университета. Ее в 1937 году с почетом переселили из университета прямо в рай без высшего Божьего суда, только по справке КГБ. *(Мечтательно.)* Интересная женщина. Я таких *(подымает руку на полметра выше головы)* всегда ценил. Я иногда думаю... впрочем, неважно, что я думаю.

Да, так что я вам хотел сказать тет-а-тет... Главный и единственный мой совет — не оправдывайте себя ни вслух, ни в мыслях. Здесь этот вариант не проходит. Признавайте свою вину во всем. Валите на себя как можно больше. Даже лишнее — это производит хорошее впечатление.

Герой. Зачем это?

Защитник. Библию надо было читать, дорогой мой. Христос что говорил? Что каяться никогда не поздно. Изменить в прошлом уже ничего нельзя — поезд ушел, а для

покаяния никаких ограничений нет. Вот и кайтесь, насколько сил хватит. А для оправданий я существую. Это и будет наша основная линия защиты. Понятно объяснил? Теперь та же мысль поподробнее. Слушайте внимательно и постарайтесь ее выдерживать, если не хотите оказаться в местах не столь отдаленных, с ароматом шашлыка. Намек понятен?

Герой. Более чем.

Защитник. Хорошо. Итак. Обвинитель будет демонстрировать ваши грехи, а вы со всем соглашайтесь и кайтесь.

Герой. Почему это со всем?

Защитник. Не волнуйтесь, перебора не будет. Никто на вас напраслину возводить не станет. У вас этих грехов вагон и маленькая тележка. На десятерых хватит. Итак, вы во всем признаетесь и каетесь. Тогда вступаю я и стараюсь вашу вину располовинить. Это только так говорится в народе — ты сам во всем виноват. Но опытный адвокат знает, что всегда есть кто-то или что-то, подтолкнувшее грешника. Всегда есть соучастник. Или обстоятельства. Нужно только их поискать. Итак, половину грехов мы перекладываем на другую чашу Фемиды, и таким образом поддерживаем зыбкое равновесие. *(Изображает покачивающиеся весы.)* Но для надежности защиты очень важно понять, где будет направление главного удара. Где? Как вы думаете?

Герой. Не знаю.

Защитник. И почему обвинение на сей раз выставило женщину, не догадываетесь?

Герой. А-а-а...

Защитник. Вот именно. Заповедь «не прелюбодействуй!» Вот он, центр нападения! Но ничего, мы будем сражаться их же оружием и на их территории. Будем всеми силами поддерживать равновесие *(опять изображает весы)*, равновесие, равновесие... и вот, ближе к финалу, в критический момент мы бросаем на нашу чашу весов ваше искусство и популярность — и побеждаем. У нас есть все шансы выиграть дело, если...

Герой. Если что?

Защитник. Если вы не закусите удила и не наломаете дров. В этом вы большой мастер, судя по моим данным... Тс-с-с, совещание окончено, встречаем обвинителя.

Быстрым размашистым шагом входит обвинитель — высокая, крупная, красивая женщина в темной судейской мантии и кокетливо надетой шапочке с кисточкой. Выражение лица серьезное и даже суровое. Не глядя по сторонам, направляется к своему месту, укладывает папки.

Добрый день, глубокоуважаемая госпожа Васильева! Низкий поклон!

Обвинитель *(сухо)*. День добрый.

Герой. Здравствуйте!

Защитник *(зловещим шепотом)*. Вы где находитесь? Что значит «здравствуйте»? Какое здоровье? Здоровье там осталось. Не здравствуйте, а добрый день!..

Герой. Добрый день!

Обвинитель. Я ваш божественный обвинитель. Дело ваше изучила, и не буду скрывать от вас: убеждена, что вы заслуживаете ада. *(Герой вздрагивает.)* Но так же заранее предупреждаю, что если в ходе слушания выяснится что-то новое, я буду открыта к его восприятию.

Защитник *(переводит на доступный язык)*. То есть постарается быть объективной.

Обвинитель. Теперь по протоколу мы должны ознакомить вас с основными правилами слушания дела. Я знаю, что вам пока не приходилось бывать на заседаниях суда даже в качестве свидетеля.

Герой. Бог миловал.

Обвинитель. Поэтому объясню вам основные правила наших слушаний, главное из которых — что никаких правил у нас нет. Нет правил. Говорите, что хотите, когда хотите и кому хотите. Полная демократия. Итак, правил нет, но есть рекомендации. И главная из

них — обращение к членам суда. Ко мне лучше всего — «госпожа обвинитель». Можно «уважаемая госпожа обвинитель».

Защитник. Ко мне попросту — «господин защитник».

Обвинитель. А к судье, Господу нашему...

Герой (*с ужасом, едва не теряя сознание*). Сам Господь Бог?! Лично?! Будет здесь, будет меня судить! За что же мне такое внимание? Что же я такого натворил? За что? Господи, за что?

Защитник (*обмахивает героя папкой*). Спокойно, милый мой, спокойно! Господь всех судит, всех без исключения. Не только вас. Всех, от мала до велика. Лично. (*К обвинителю.*) Что ж вы, госпожа Васильева, с кувалдой? Надо соразмерять силу удара. Хорошо, что у него уже не может быть инфаркта!

Обвинитель (*не моргнув глазом, продолжает*). А к судье, Господу нашему — обращаю на это особое внимание — следует обращаться «ваша честь». А то вы там, на земле, привыкли ему тыкать. Господи ты Боже мой — ТЫ, Боже мой! Или: «прошу тебя, Господи!». ТЕБЯ!

Защитник. «Хлеб наш насущный ДАЙ нам днесь». ДАЙ — и все! Не «дайте», не «пожалуйста»... Дай и все. Панибратство какое! Честное слово! Фамильярность.

Обвинитель. Поэтому мы вынуждены были ввести обращение «ваша честь», как и положено в суде. Это и уважительно, и демократично. Но это рекомендация. Если случайно сорвется, ну, к примеру, «Владыка небесный» или «Господь всемогущий», то обиды не будет.

Защитник. Но без панибратства и фамильярности, милый мой!

Герой (*явно перетрусил*). Да что вы, мне такое и в голову не придет, как я осмелюсь, кто он и кто я...

Обвинитель. Далее. Мы не будем требовать от вас присяги — клянусь говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды. Говорите, что хотите. Но смысла лгать и выкручиваться нет. Сзади вас экран, и на нем мы всегда сможем увидеть, как и что было на самом деле, как бы давно это ни произошло. Для нас срока давности не существует.

Герой (*потрясен, его постепенно добивают*). Все? Неужели все? И мы все будем это видеть? Это ужасно... Есть вещи, которые я всю жизнь старался забыть. Зачем копаться в этом грязном белье?

Обвинитель. Высший суд — это не чествование юбиляра. Здесь фимиам не курят. Здесь держат ответ. Полной мерой.

Герой (*тихо, почти про себя*). Держать ответ — это одно. А продемонстрировать и оживлять некоторые вещи — страшнее любого наказания... Пусть даже они не тянут на преступление. У каждого есть такие воспоминания, от которых мерзко на душе. Скажу честно, я иногда с облегчением думал: хорошо, что Бога нет. Что никто не знает об этом... (*О чем-то своем.*) И об этом... Да, и об этом тоже. Иначе бы я сквозь землю провалился. Оказывается, Бог есть. Ну хорошо, раз уж он есть, пусть это будет между мной и им. Раз правда заснята и ее можно увидеть, зачем нужны вы? Ведь правда одна?

Обвинитель. К сожалению, нет...

Защитник. К счастью, нет! Не удивляйтесь, милый мой. Правд много. (*Герой выражает крайнее удивление.*) Вы, наверно, видели пьесы, где об одном и том же событии рассказывают разные участники?

Герой. Мой любимый жанр! Особенно в телевизионных судебных сериалах. Любил смотреть в свободное от хлопот время. И детективы любил читать — с Перри Мейсоном. (*Мрачно.*) Как чувствовал, что пригодится...

Защитник. Помню, знаю... Я неплохо вас изучил, дорогой мой. Тем более. Кому знать, как не вам! Причем эти люди рассказывают правду, одну только правду и ничего кроме правды! И каждая правда мало похожа на другую. Ничего общего. А мы для того и

призваны, чтобы показать разные правды одного и того же события. Уверю вас, мы специалисты своего дела, и вам предстоит увидеть великолепную работу.

Герой. Да уж, могу себе представить...

Обвинитель. Цинизма в вас на десятерых. Кстати, не трудитесь скрывать свои мысли и свое мнение, в том числе и о нас. Стоит нам пожелать, и ваши мысли немедленно появятся на том же экране.

Герой (*добит окончательно и бесповоротно*). И мысли? Даже мысли? Но ведь мыслями я управлять не могу! Страшно подумать, что я могу подумать!

Обвинитель. В этом весь смысл. Вы будете перед нами как на ладони.

Герой. Но права человека на внутренний мир, где они?

Обвинитель. У нас их нет.

Внезапно раздается тихая музыка, шарканье ног, скрип стульев. Все трое смотрят в партер — туда, где, очевидно, рассаживаются присяжные заседатели.

Защитник. Подсаживайтесь ко мне поближе. Появились присяжные, значит, вот-вот начнем.

Герой (*передвигает стул и стол поближе к защитнику*). Это присяжные заседатели?

Защитник. Как и положено в суде. Да, двенадцать апостолов. Все как один

Обвинитель. (*Неожиданно и торжественно*). Встать! Суд идет!

Раздаются тожественные, не слишком громкие звуки музыки, в которых иногда угадывается «Боже, царя храни». Далекие, отблески молнии. Негромкие, но угрожающие раскаты грома.

Герой (*явно поражен до глубины души явлением Господа, который, судя по реакции героя, эффектно появился где-то над зрительным залом. Герой не находит слов, вырываются только неопределенные изумленные всхлипы*). Да что же это... Как это... Ох!.. Ой-ой!.. Не мог себе такого даже представить!.. Разве такое может быть?.. Нет слов... Не могу в себя прийти... Господи, Боже мой... Всего ожидал, но такого... Это выше моего понимания...

Защитник. Успокойтесь, возьмите себя в руки! Хотя... я вас отлично понимаю. Когда я первый раз увидел явление Господа, то потом два месяца заикался. И только в аду пришел в себя. Клин клином вышибают. У нас, в аду, есть безотказное средство от заикания — но об этом потом.

Пододвигает стол героя к себе поближе, тот с радостью пересаживается подальше от мегеры-обвинителя. Защитник и герой усаживаются, обвинитель продолжает стоять, дожидаясь тишины.

Обвинитель. Позвольте мне, ваша честь, открыть судебную сессию, посвященную решению судьбы новопреставленного перед нами грешника! (*Выходит на авансцену, свободно расхаживает по ней и обращается к суду и присяжным — то есть к зрителям — как это принято в популярных судебных сериалах*).

Защитник. Протестую, ваша честь! Где презумпция невиновности? Сначала надо доказать, что он грешник.

Обвинитель. Не стоит злоупотреблять юридическими терминами, господин защитник. Это Божий суд, суд веры. С этой точки зрения все мы грешники, кто больше, кто меньше. (*В ответ раздается легкий одобрительный грохот.*) Благодарю, ваша честь! В своем вступительном слове я хочу подчеркнуть, что последнее столетие у многих из нас на этом свете и почти у всех на том создалось мнение, что ад — это тюрьма для преступников, в крайнем случае, колония строго режима. И чтобы быть засланным в ад, надо совершать смертные грехи на уровне вероломства, кровавого предательства или убийства. Все остальные автоматически попадают в рай. Вот и наш новопреставленный с

легкостью необыкновенной заявил своему защитнику, цитирую: «А что я такого сделал? Не убил, не ограбил...»

Герой. Подслушивала, зара...

Защитник. Т-с-с-с! Я же сказал, тут секретов нет.

Обвинитель. Ваше ученье, ваша честь, гласит, рай — это не общежитие для всех, кто не успел, или не решился, или просто не захотел мараить руки страшным преступлением. Рай — награда тем, кто вел на грешной земле праведный образ жизни, насколько это было возможно в их условиях. Рай — это награда! А каково будет им, заслужившим всей своей нелегкой судьбой эту награду, встретить в раю тех, кто всю жизнь провел на земле в пьянстве, разврате, прелюбодеянии, в так называемой сладкой жизни? Пусть он даже по мирским законам невиновен!

И новопреставившийся, которого мы сегодня судим, является прекрасным, хотя и очень непростым примером для вынесения прецедентного решения. У него масса достоинств, если сказать честно. Он талантливый человек, популярен на оставленной им земле, время от времени он проявлял смелость в борьбе с общественным злом. И в то же время по нашим райским меркам он почти всю жизнь прожил в грехе. Точнее, в грехах. Погряз в них с головой. Не вылезал из тех обычных житейских грехов, с которыми ваше учение, ваша честь, борется уже столько веков!

Герой. И безуспешно...

Обвинитель. Слышали, ваша честь? Даже здесь, на пороге вечности...

Защитник (*шептит в ухо герою*). Я же просил, милый мой, вы можете собой владеть?..

Обвинитель. Я хочу подчеркнуть, что этот вопрос сейчас особенно актуален на грешной земле. Есть мораль или ее нет? Может, так и нужно — каждый сам по себе и никто ни за кого не в ответе? Есть любовь к ближнему или ее тоже нет? Есть или нет? А может, мораль и вовсе не нужна? Может, она даже вредна, потому что дает в реальной жизни слишком большие преимущества людям аморальным и бессовестным? Но что тогда останется от веры?

Благодарю за внимание.

Защитник (*герою, негромко, с восхищением*). Каков стиль, какие фразы! Сколько иронии!.. Дстойный противник. Сражаясь с ней, я частенько отвлекаюсь и почему-то думаю о... Впрочем, неважно, о чем я думаю. Но к бою! И мы не лыком шиты. (*Встает, обращается к суду*). Ваша честь! Уважаемое апостольское жюри! Прежде позвольте мне от имени защиты и моего подзащитного поблагодарить вас за внимание и заранее высказать доверие к вашим последующим решениям! (*В ответ на недоуменный взгляд героя хитро подмигивает ему — мол, кашу маслом не испортишь.*) У нас нет и тени сомнения в справедливости высокого суда. Именно по этой причине мы уверены, что наше резкое несогласие с предложением высокоуважаемого обвинителя будет правильно понято. По сути, обвинитель предлагает судить не человека, конкретного человека, а на его примере целую систему взглядов, порочных по мнению уважаемого обвинителя. Судить в назидание другим. С юридической точки зрения это просто недопустимо! Но госпожа обвинитель, ваша честь, господа апостолы! Не напоминает ли вам это предложение показательные процессы в те не столь далекие времена, в которых уважаемая госпожа обвинитель преподавала юриспруденцию слушателям из некоей организации?

Обвинитель. Ваша честь! Я протестую, это недостойный намек...

Защитник (*торопливо*). Мы все прекрасно знаем, что вы, госпожа обвинитель, насколько было в ваших слабых силах, боролись против показательных процессов. И даже пострадали вместе со всеми. Я это напомнил для того, чтобы спросить нас всех — зачем вы предлагаете к подобному вернуться?

Обвинитель. Не забывайте, что новопреставленный — не просто сам по себе. Он имел большое общественное влияние, в какой-то мере он знамение времени. А время это греховно и архигреховно. А значит...

Защитник (*торопливо*). Ничего не значит! Каждый человек имеет право, чтобы его судили «самого по себе», только его лично, вне зависимости от того, беден он или богат, знаменит или безвестен.

Обвинитель. Но вы же сами через пять минут будете приводить талант и известность в его оправдание?

Защитник. Да, но как приводят добрые дела любого простого смертного, а не как заслуги!

Герой не успевает следить за этим «пинг-понгом», вертя головой туда-сюда.

Обвинитель. Значит, оправдывать человека славой можно, а осуждать за это нельзя?

Защитник. Именно так, если это добрая слава.

Обвинитель. А пользоваться ею в личных целях?

Защитник. А как же, если она заработана трудом и талантом! Слава — это его земли, замки, его богатство. Конечно, можно и нужно ею пользоваться, если ты нормальный человек, не ханжа какой-нибудь.

Обвинитель. А злоупотреблять ею?.. Стоп! Этой казуистике не будет конца. Высокий суд знает «таланты» защитника. Ко всем этим вопросам мы подробно вернемся позже.

Защитник. (*Обращается к герою, потирая руки.*) Ну, что я вам говорил! Фейерверк! И это только начало...

Герой. Меня больше волнует конец.

Защитник (*суду*). Итак, уважаемый высокий суд и апостольское жюри, я не намерен решать философские проблемы. Я буду говорить о конкретном человеке — моем подзащитном. Я намерен убедить вас, что мой подзащитный не только неплохой обычный человек, но и человек талантливый, известный. А в нынешних условиях жизни на земле людям известным сохранить звание просто неплохого (*кладет руку на плечо героя*) и даже — не будем скромничать — хорошего человека невероятно сложно, и немногим такое по плечу. Моему подзащитному это удалось. Благодарю за внимание. (*Герою.*) Один ноль в нашу пользу! (*Тот пожимает плечами.*)

Обвинитель. Ваша честь, я прошу включить экран!

Защитник. Все, теперь молчок! «Ни слова, о друг мой, ни вздоха...»

Обвинитель. Разрешите начать, ваша честь? (*Гром-ворчание-согласие.*) Благодарю. Высокий суд, господа апостолы! Собственно говоря, между мной и защитником нет разногласий. Мы оба хотим выяснить, что за человек новопреставившийся, какую он вел жизнь на земле. Достойную или недостойную, просто грешную или очень грешную. Его известность не может являться ни оправданием, ни отягощающим обстоятельством. Вы согласны со мной, господин защитник?

Защитник. В общем и целом...

Обвинитель. В таком случае я предлагаю прежде всего выслушать грешника. Пусть он сам расскажет, что он о себе думает. А потом мы поможем ему увидеть себя со стороны. Новопреставившийся грешник, встаньте! Коротко расскажите нам, что вы о себе думаете. Как вы стали тем, кто вы есть?

Герой (*защитнику*). Отвечать?

Защитник (*тихонько*). А что делать? Я вам говорил, очень опасный противник. Расчет ведется на ваш строптивый характер. Кайтесь, милый мой, кайтесь! Не бойтесь брать на себя выше головы... Кайтесь!

Герой (*пытается изобразить это самое раскаяние*). Ну, что сказать? Детство как у всех...

Обвинитель. Не надо детства. Дети безгрешны. Во всяком случае, так принято считать.

Защитник. Если детки никого еще не замучили или не замочили... нынешние детки, доложу вам... Простите, продолжайте.

Герой. И все-таки приходится начинать с детства. С десяти лет я начал писать стихи и песни и сохранил эту привычку до конца дней своих... *(Со вздохом.)* Как сейчас выяснилось. *(Защитник хихикнул.)* Я окончил медицинский институт, и сделал этот выбор скорее всего просто по семейной традиции. Но вскоре понял, что врачом мне не быть. Я всегда боялся смерти, и своей, и чужой. *(Не сдержался, съехидничал.)* Правда, говорить это здесь, в нашем обществе, бестактно. *(Защитник всхлипывает, сдерживая смех, прикрывает рот рукой. Он вообще смешлив.)* А хороший врач не должен бояться смерти. Но дело не только в этом. Тяга к искусству победила. Я оставил медицину и полностью отдался литературе. Довольно быстро я приобрел относительную известность. Но настоящая популярность...

Защитник. Слава, не нужно скромничать, громкая слава!

Герой. ...Пришла ко мне тогда, когда я стал петь свои песни, сопровождая себя на гитаре. Мой не слишком музыкальный голос, оказалось, нравился слушателям.

Обвинитель *(с ехидцей).* И слушательницам...

Герой. Да, и слушательницам. Последние годы в стране появилась группа таких исполнителей, искусству которых даже русского названия не придумали. И называли нас то бардами, то русскими шансонье. Впрочем, не так. Говорили просто: Булат Окуджава, или Владимир Высоцкий, или Александр Галич.

Защитник. И себя не забудьте.

Герой. Хорошо, не забуду. Или аз грешный. *(Защитник в восторге от этой скромности.)* И в этих именах было все сразу — и титул, и звание, и признание.

Защитник. Популярность, не нужно скромничать, и даже слава!

Герой. Мы все были разными — по характеру, по манере исполнения, по темам. Но объединяло нас одно — наши песни были чем-то вроде форточки, которая помогала хотя бы чуть-чуть проветривать тяжелую атмосферу застойных времен.

Обвинитель *(с иронией).* И дальше все пошло как по маслу?

Герой. Не сразу. Было очень трудно поначалу. В моих песнях была одна особенность — их всегда запрещали, что-то такое опасное власти в них чувствовали. Даже в невинных. Но это, с другой стороны, повышало интерес публики. Раз запрещают — значит, люди говорят правду. Не забудьте, это было еще при Советской власти. Пошли по стране кассеты с записями на «черном рынке». А это всегда успех. Постепенно, несмотря на запреты, пришла популярность. Я продолжал писать стихи, а позже и прозу. Но основным источником дохода...

Защитник. И большой популярности...

Герой. ...Стали концерты и песни. Вот, пожалуй, и все.

Обвинитель. Не густо!

Защитник. Зато скромно.

Обвинитель. И все же откровенно расскажите нам, что в вашей жизни изменилось, когда вы стали известным и могли не думать больше о хлебе насущном и о деньгах. Когда у вас появилась экономическая возможность жить так, как вам хочется — а такая возможность появилась?

Герой. Более-менее.

Обвинитель. Как вы ею воспользовались? Что же это за жизнь оказалась — та, которой вы добивались с таким трудом?

Защитник *(тихо, герою).* Провокация, милый мой, провокация! У нас в юриспруденции это называется вопрос с оплаченным ответом. *(Громко.)* Я попросил бы уважаемую госпожу обвинителя задавать прямые вопросы!

Обвинитель. Хорошо! Прямые так прямые. Начнем с ваших отношений с женщинами.

Защитник. Давно бы так, хватит ходить вокруг да около. Протестую! Не понимаю, на каком основании мы должны вмешиваться в его личную жизнь...

Обвинитель (*раздраженно*). Ах, оставьте! Вы отлично знаете, что «не прелюбодействуй» — одна из десяти заповедей. (*Защитник адресует герою красноречивый жест — «а что я говорил?»*) Какие вам еще нужны основания? Отвечайте, новопреставившийся!

Герой. Да, я всегда любил женщин и никогда не скрывал этого. Об этом пел, писал и говорил.

Обвинитель. И действовал. И это все?

Защитник (*шипит*). Кайтесь, кайтесь, вам говорят!..

Герой. Я часто увлекался, был близок со многими женщинами. Можно сказать, что я не был постоянен. Но я почти всю жизнь был не женат, поэтому особых обязательств у меня не было...

Обвинитель (*дождалась своего часа, яростно*). Любил женщин, увлекался, не был постоянен — вот как скромно он описывает ту вакханалию, которая происходила в его личной жизни! Сотни женщин, одни сменяли других, беспорядочные сексуальные связи со знакомыми, незнакомыми, замужними, холостыми, старыми, молодыми, по одиночке и целыми группами — это он называет любовью к женщинам! Я бы назвала это оскорблением женщинам и оскорблением морали.

Герой (*с ужасом слышит свое злобное бормотание, раздающееся со стороны экрана — это озвучиваются, как и предупреждала обвинитель, его мысли*). Мегера чертова, змея, старая перечница!..

На экране клубятся тучи, сполохи молний. В ужасе герой хватается за голову, бормотание не прекращается.

Защитник (*вскакивает*). Протестую! Прошу прекратить демонстрацию мыслей, которые родились в состоянии аффекта.

Экран гаснет.

Герой (*с испугом*). Спасибо... Ужасно...

Обвинитель (*не реагирует на оскорбления, только становится мрачнее*). На своих гастролях новопреставившийся не обходился без новых пассий — из поклонниц, вечно ошивающихся поблизости. Но даже в, так сказать, стационарном режиме, когда наш грешник жил дома, он имел две-три-четыре подруги, которых посещал по очереди.

Новая вспышка проклятий и гроза на экране.

Защитник (*вскакивает*). Протестую! Прошу прекратить демонстрацию мыслей, которые родились под влиянием аффекта.

Экран гаснет.

Обвинитель (*по-прежнему не реагирует на оскорбления, только еще больше мрачнеет*). Не скрою от суда, что испытываю очень неприятное чувство, описывая такое поведение мужчины, у которого в это же время в доме нередко была еще постоянная, скажем так, хозяйка. Мистресс. Я искренне не понимаю, какое удовольствие можно получать, регулярно меняя в течение недели женщин в темпе вальса... Раз-два-три — и на следующей неделе опять те же и в том же темпе — раз-два-три... Иногда появляется новенькая — и опять раз-два-три... Но даже если каждый раз была бы новая, это еще хуже и непонятнее — женщины в таком случае обязательно должны быть все на одно лицо. И так оно и есть. При быстром мелькании женщины не отличаются друг от друга. Как говорят пошляки, все женщины устроены одинаково. Если менять нас в темпе вальса, можно разницу не уловить. Тогда какой смысл в этой погоне? Мне не понять, какое удовольствие можно находить в бесконечной череде разнообразных, но абсолютно похожих друг на друга, как бы назвать это поприличней... (*Подыскивает слово. Голос героя с экрана: «траханий»*). Да, пусть будет траханий. (*Гордо.*) Не такая уж я отсталая и

косная перечница! *(С презрением смотрит на героя и продолжает.)* А результат этого образа жизни — душевные травмы и даже, в некоторых случаях, искаленные жизни.

Защитник. Возражаю! Вы сгущаете краски, искажаете реальность. Все было абсолютно добровольно, при обоюдном стремлении и при взаимном удовольствии сторон.

Обвинитель. Я не о взаимном удовольствии сторон говорю, а о результатах этого удовольствия. Знает ли наш грешник, сколько у него детей?

Защитник. Конечно, знает! *(Герой, судя по выражению лица, не уверен в этом.)*

Обвинитель. Так я ему скажу, сколько. Он думает, что их девять.

Защитник. Да, он так думает. И пятерых он помогал растить.

Обвинитель. Но о еще троих он не знает. Плюс есть еще двое, но там даже матери не знают, чьи они.

Защитник. Итого получается...

Обвинитель. Но из тех, о ком он знает, трое не его.

Защитник *(сбит с толку).* Всего выходит... *(Не сосчитал, оправдывается.)* Но пятерым он помогал!

Обвинитель. Из них двое тоже не его. Но есть еще два иностранца в капстранах, хотя один из них под подозрением.

Защитник. Ну тогда выходит... как вы сказали? Он думает, что девять, и дальше?..

Можно повторять несколько раз сценку: «Значит, он думает, что их у него девять» — загибают пальцы, сбиваются, начинают сначала и т. д. Во время этой сцены появляются на экране детишки, юноши и девушки, и, заливаясь горячими слезами, тянут ручки, ручки и руки и зовут: «Папа!..» Неожиданно появляется негритенок и зовет: «Дэдди!»

Защитник *(растроган).* Это тоже его?

Обвинитель. Его мать так говорит.

Защитник. А где она? *(Камера поднимается выше и видна российская курносая, белесая физиономия матери.)* Это мать мальчика?

Обвинитель. Да, это его мать.

На экране опять негритенок.

Защитник. А он его отец?

Обвинитель. Она так говорит.

Защитник. И это их ребенок? Это стоит проверить!

Обвинитель. Да, это нужно проверить.

Негритенок окончательно запутывает ситуацию, и можно начинать считать сначала.

Герой *(не выдерживает).* Хватит считать моих детей! Госпожа обвинитель! Зачем этот унижительный стриптиз, который вы проделываете со мной? Какую пользу сейчас может он дать? Представьте себя на моем месте, госпожа обвинитель!

На него не обращают внимания, продолжают считать детей, загибая пальцы. Герой задумчиво уставился перед собой, на лице его появляется мечтательная улыбка. Он не замечает, что наступила тишина и все взоры обратились на экран. А там отражаются его мысли. Злорадный голос героя на экране: «Тебе бы устроить такой же стриптиз, мегера, как бы ты себя чувствовала...» — и... на экране появляется обвинитель в мантии и шапочке, потом исчезает шапочка, падает мантия, прозрачное белье, подвязки; на экране обвинитель делает «ах!», слетает комбинация, за ней лифчик, обвинитель стыдливо прикрывает грудь — словом, идет стриптиз по высшему разряду. Герой оглядывается на экран, в ужасе делает знаки защитнику, но тот заинтересованно смотрит представление и не останавливает его. Наконец замечает происходящее на экране обвинитель.

Обвинитель. Протестую! Прошу прекратить демонстрацию мыслей обвиняемого, которые родились... которые родились... (захлёбывается от возмущения).

Герой. (голос с экрана). В состоянии аффекта.

Экран гаснет.

Герой (защитнику). Почему вы не остановили?..

Защитник. Интересно! Я тоже человек... Как мастерски это у вас получается! (С очевидной завистью.) Чувствуется опыт и талант. Какой темперамент!

Обвинитель (берёт себя в руки). Вот это и есть ваш образ мыслей, обвиняемый, в эту сторону направлены все ваши творческие ассоциации. Это говорит только об одном — для вас сейчас там, на земле, нет ничего святого. Все можно осмеять, унижить, опорочить. Даже здесь, на пороге вечности... Это и есть цинизм! Это он и есть.

Защитник. Что же вы хотите? Их столько лет принуждали лицемерить, естественно, что их занесло выше нормы...

Обвинитель. Занесло. Очень мягко сказано... Это объяснение, но не оправдание. Ну хорошо, оставим это. Вернемся к сути проблемы. К детям. Дети ни в чем не виноваты. Они-то за что страдают? Их-то за что?

Защитник. Дети действительно не виноваты, кто спорит? (Выходит на авансцену). Но, ваша честь, прошу обратить внимание на постановку вопроса! Уважаемый обвинитель говорит так, будто в появлении детей участвовал один только новопреставившийся. Можно в одиночку нарушать все заповеди — не убий, не укради, чти отца своего и мать свою и т. д., — кроме одного: нельзя, простите за грубость, делать детей в одиночку! Так было от сотворения мира и до сих пор. До клонирования, не к ночи будь помянуто, до овечки Долли. Но эти бесовские штучки мы игнорируем, ваша честь. Почему же в обвинениях госпожи Васильевой, ваша честь, речь идет только об одном человеке?

Обвинитель. Мы сегодня говорим только о грехах преставившегося. Каждый получит свое в свое время. Сегодня его черед.

Защитник. Но в таком случае следует говорить не обо всей вине, а только о доле ее, о той части вины, которая возлагается на мужчину. Ведь так? В наше время на земле, при нынешней медицине, информации, агитации, женщине надо было не просто захотеть, а очень постараться, чтобы зачать ребенка. И именно от него, человека известного и обеспеченного! Я ни на что не намекаю, никого не обвиняю, я излагаю факты. А факты таковы: как правило, мой подзащитный ни сном ни духом не ведал, что ему уготовано.

Обвинитель. Мы знаем, как это обычно бывает. Наивная доверчивая душа, веря в любовь (на экране красивые молодые женщины в позах мадонн Рафаэля), позволила увлечь себя...

Защитник. О-хо-хо, мы с вами отлично знаем и другое. Наслышаны на процессах последних лет... Наивными и доверчивыми большинство из этих современных мадонн были только в отрочестве, да и то раннем. (Те же женщины, те же святы позы и невинные очи, но видно, что это бестии. Скажем, подмигивают лукаво, мимоходом трогают грудь и т. д.) Нет уж, все они точно знали, чего хотят. Одно могу утверждать — а я просмотрел много материалов о моем подзащитном — никто ни разу — ни разу! — его согласия на рождение чада не спрашивал. Что он мог сделать? Отказаться от жизни? Положить на полку... свой... своё... свои... ну как бы это сказать... (Ищет глазами поддержки у героя.)

Герой. Свои желанья.

Защитник. Нет, это неудачно сказано. Поставлю вопрос иначе. Должен ли был подзащитный из опасения подвоха лишиться себя жизни? Я, прости Господи, не имею в виду самоубийство. Я знаю, что это самый страшный смертный грех. Но и лишиться себя сексуальной жизни — тоже грех немалый. Конь о четырех ногах и то спотыкается.

Обвинитель. Я ожидала от вас большего. Не об этом речь. Все спотыкаются. Речь идет о том, что ваш конь спотыкался о каждую встречную юбку. Это уже не ошибка, а

закономерность, образ жизни. Легкомыслие, неразборчивость в знакомствах и связях — и вот вам последствия. (*Герою.*) Обвиняемый, ответьте нам как на духу: человек, у которого девять детей, и все в разных местах, и вообще неизвестно, где они, — этот человек грешник? Настоящий грешник, без всяких скидок? С точки зрения морали он преступник? Отвечайте, да или нет? Да или нет?!

Защитник. Восемь!

Обвинитель. Что?

Защитник. Восемь детей.

Обвинитель. Пусть будет восемь.

Защитник. Восемь с черненьким. А без него семь.

Обвинитель (*выходит из себя*). Вы дадите мне договорить? Повторяю вопрос обвиняемому. (*С явным сарказмом.*) Человек, у которого *примерно* девять детей, *плюс-минус* два ребенка, растут неизвестно где, Бог знает с кем и в каких условиях — это грешник? Отвечайте нам всем, глядя в глаза!

Герой. Разумеется, грешник! Как можно отрицать очевидное.

Обвинитель. Прошу высокий суд зафиксировать признание преставившегося. (*Садится*).

Защитник. Прошу высокий суд учесть добровольность признания и искреннее раскаяние моего подзащитного.

Обвинитель. Насчет раскаяния...

Защитник (*поспешно перебивает*). Свою долю вины он не собирается взваливать на других. Я правильно говорю?

Герой. Безусловно.

Защитник. Но и брать на себя чужие грехи я, как защитник, позволить ему не могу. У меня все, благодарю за внимание. (*Садится с победным видом, промокает лоб*). Уф! Борьба титанов. Вот вам основная линия защиты в действии.

Пауза. Защитник и обвинитель перебирают бумаги, готовятся к новым сражениям. Затем обвинитель встает, подходит к перилам, опирается на них, как это часто принято в судебных сериалах. Проникновенно обращается к невидимому жюри, а, значит, и к зрителям.

Обвинитель. Оставим пока детей в покое. Поговорим о следующей большой группе пострадавших, о женщинах. Защита только что затронула эту важнейшую тему.

Защитник. Протестую! Это не пострадавшие, а соучастники, которые проходят по этому же делу. То есть соучастницы. Подельщики. То есть подельщицы.

Обвинитель. Ваша честь, я настаиваю на том, что это пострадавшие!

Защитник. Прямые соучастники, ваша честь, а чаще даже зачинщики. То есть зачинщицы.

Обвинитель (*устало*). Ну хорошо, давайте назовем их как-нибудь нейтрально.

Защитник. Сексуальные партнеры.

Обвинитель. Ужас!

Защитник. А может, назовем их просто женщинами? И этим будет все сказано.

Обвинитель. Хорошо... Пусть будут женщины.

Защитник. Пусть будут.

Обвинитель. Прошу дать на экран документальное доказательство за номером один.

На экране хорошая лирическая песня в исполнении героя, восторженные лица девиц, женщин средних лет, старушек. Овации, поцелуи и т. д.

Вы, ваша честь, дали преставившемуся обаяние и талант. Не удивительно, что женщины, как мотыльки на огонь, слетались к нему. Талант, особенно музыкальный, притягивает к себе женские сердца. И новопреставившийся, как мы уже отмечали,

пользовался этим в полной мере, не думая о том, какая участь ждет впоследствии потерпевших.

Защитник. Женщин! Мы договорились именовать их женщинами.

Обвинитель. Простите, женщин. Сколько было слез, душевной боли. А сколько пострадавших мужей и даже распавшихся браков! (*Герою*) Вы человек неординарный, не каждый супруг может выдержать сравнение с вами. Ведь были и семейные трагедии по вашей вине. Были?

Защитник. Они у всех есть. У кого больше, у кого меньше. Без этого жизнь не обходится.

Обвинитель. Когда этих связей множество, тогда и печальных историй больше.

Защитник. Но каждый принимал решение добровольно. А значит, и последствия. Никто никого не принуждал, все было по обоюдному согласию... Мой подзащитный никому ничего никогда не обещал и никогда никого не обманывал.

Обвинитель. Ну, не всегда. Было несколько весьма сомнительных случаев... При такой жизни иначе и быть не могло. И увертывался, и обманывал, и в запале обещал золотые горы. Просмотрим эти случаи на экране или признаете так? Прошу доказательства с номера два по номер сто пятнадцать.

Герой (*испуганно*). Сто пятнадцать?

Обвинитель. Да, но это только выборка.

Герой. Прошу вас, не надо! Признаю... Но это было не совсем так, как может показаться...

Обвинитель. Не совсем так или признаете?

Герой. Признаю.

Обвинитель. При таком количестве беспорядочных связей постыдные ситуации и сцены неизбежны.

Герой (*искренне*). Да, это так!

Обвинитель. Прошу занести в протокол. У меня пока все. (*Садится на свое место*).

Защитник (*встает, выходит к перилам*). Прошу еще раз отметить, что представившийся все признает и полон раскаяния. Но я, как защитник, должен обеспечивать объективность при рассмотрении дела. Мой подзащитный жил не на необитаемом острове, а в конкретных исторических условиях. И ситуацию нужно рассматривать на местности. Сейчас в их новых исторических условиях сексуальными связями никого не удивишь. Время такое. Слово и понятие «любовь» теперь совершенно изменили свой смысл. Любить можно друга, жену, соседей, детей, собаку. Сегодня слово «любовь» обозначает только общечеловеческое чувство широкого профиля. К проблеме мужчина-женщина это понятие уже отношения не имеет. Устарело! В этом смысле применяется только определение «секс». Секс, только секс, и ничего кроме секса! Если предлагают «заняться любовью» — это не значит любить. Никакого отношения к допотопному чувству любви это занятие не имеет. Это даже не значит «переспать». Потому что на подоконнике или на бильярдном столе спать неудобно, а «заниматься любовью» там сейчас не только модно, но и очень престижно.

Обвинитель. Ужас!

Защитник. Я подготовил кое-какие справочные данные. По количеству сексуальных партнерш подзащитный даже в первые полмиллиона «ходов» не входит. А возможностей у него было намного больше, чем у всяких прочих других. И что мы видим — у заштатного гитариста группы «Тарарам» в среднем 365 новых девочек в году; куда нашему грешнику до него с каким-нибудь десятком-другим!

Обвинитель. Ужас!

Защитник. Нет, просто изменились взгляды. А мы по старинке путаем секс и любовь и этим вносим неразбериху.

Обвинитель. Ужас!

Защитник. Там у них на постсоветской территории сексуальные партнерши...

Обвинитель. Мы договорились называть их женщинами...

Защитник. Хорошо, назовем их женщинами. Разумеется, прежде всего те, кто помоложе. Но и не только. Всех возрастов и семейных положений. Они не считают себя ни легкомысленными, ни развратными, имея случайный секс то с тем, то с этим. Если партнеры часто меняются, значит, девица просто современная, и не больше того. Если партнеры меняются очень часто — значит, девица «продвинутая». И тоже не больше. Не распутная, не гуляка, просто продвинутая. Как в старом добром анекдоте: секс — это еще не повод для знакомства. Случайный секс стал почти таким же доступным развлечением, как танцы или кино. Или книги; но более распространенным и популярным. Сейчас все участники этой новой реальности — и мужчины, и женщины — одинаково хороши, если смотреть с позиций высокой морали. Друг друга стоят.

Обвинитель. К чему вы это нам рассказываете? К чему клоните?

Защитник. А вот к чему. Какие претензии у этих партнерш могут быть к моему подзащитному в такой ситуации на местности? Это несерьезно!

Обвинитель. Теперь я должна возразить, что вы сгущаете краски. Точнее, мажете все одним черным цветом.

Защитник. Сейчас едва ли не с детских лет учат только одному — безопасному сексу. Вы видели бесчисленные рекламы. Впечатляет?

Обвинитель. Впечатляет. Тем более, что безопасного секса быть не может, если это секс ради секса. Никакие предохранительные средства не помогут, даже если надеть скафандр. Каждый случайный секс не только заражает человека цинизмом и пошлостью, но и уничтожает часть души. Уничтожает навсегда! И никакая медицина потом не спасёт. Неужели люди этого не понимают?

Защитник. Нет, не понимают; время такое — сексуальная революция. Новые времена. Сейчас очень многие вполне солидные и семейные деятели культуры наперебой делятся своей любвеобильностью, даже перед телевизионной камерой. А их жены и дети слушают эти признания с пониманием. Творцы, видите ли, будут играть на сцене хуже, скрипка будет не так хорошо звучать, слова не в том порядке выстроятся на бумаге, если им не дадут возможность не скрываясь — как вы говорите?..

Герой. Трахнуть?..

Защитник. Да, кого душа пожелает.

Обвинитель (*вздрагивает*). Ужас...

Защитник. Убедил ли я в чем-нибудь уважаемого обвинителя и высокий суд?

Обвинитель. Безусловно! По моему глубокому убеждению, вся эта компания с развернутыми знаменами и под барабанный бой должна прямиком отправиться в ад. Во главе с нашим обвиняемым.

Герой. Вот те раз! Где справедливость? Выясняли, выясняли, что я не хуже прочих других, не самый буйный, что неженатый, в конце концов, и в результате — я во главе! Где справедливость?

Обвинитель. В этом и заключается справедливость. Оправдание «все так делают» на Высшем Божьем суде во внимание не принимается. Каждый здесь отвечает только за себя. В этом смысл Божьего суда. В этом смысл веры. Истина и мораль абсолютны, а не меняются в зависимости от обстоятельств, от выгоды, от моды.

Защитник. Вот и давайте обсуждать только его, подзащитного. Я еще раз настойчиво прошу об этом уважаемую госпожу обвинителя.

Обвинитель (*не остается в долгу*). Я, собственно говоря, так и поступаю. Я не маскируюсь «на местности», как это делаете вы. Продолжаю, ваша честь, допрос новопреставившегося. (*Герою.*) Обвиняемый, есть ли у вас какие-нибудь оправдания или объяснения вашей беспутной сексуальной, как у вас там ее сейчас называют, жизни? Но, повторяю, без ссылок на то, что «все так делают».

Герой. Есть объяснения, как не быть! Объяснения всегда есть.

Защитник (*шепотом*). Не рискуйте, умоляю вас. Не отклоняйтесь от основной линии защиты. (*Громко.*) А может признать все, покаяться, и дело с концом?

Герой. Нет, я и сам частенько искал ответ на этот вопрос.

Обвинитель. Ну и?..

Герой. Прежде всего, легко быть паинькой служащему в конторе на минимальном окладе. А когда вокруг после удачного концерта столько симпатичных девушек и женщин смотрят на тебя восторженными глазами и так соблазнительно вертят аппетитными... этими... нижними...фигурками. А ты фактически свободен, независим. И деньги в кармане. Нужно быть железным, чтобы не ответить на призыв...

Обвинитель. Вы хотите сказать, что чаще соглашались, чем добивались?

Герой. Конечно! Столько раз добиваться никаких сил не хватит. Только соглашаться и то надоедает. Устаешь. Хотя иногда и сам проявлял инициативу... Но с каждым годом все реже и реже. Чаще все-таки сдавался на милость победительницы.

Обвинитель. Вы хотите этим сказать, что женщины теперь активнее в охоте на мужчин?

Герой. Несравнимо! Простите, но вы действительно века на два отстали. Это настолько общеизвестно, что даже не обсуждается давным-давно. Только почему-то слабый пол осуждать не принято. Интересно, почему? Боже мой, как при такой информации о делах на земле вы можете объективно судить? (*Раздается предупредительный грохот.*) Что случилось? Что я такого сказал?

Защитник. Сказал «Боже мой». Не поминай имя Господа всуе.

Герой. Это просто поговорка!..

Защитник. Вредная поговорка. В библии сказано: «Не поминай имя Господа нашего всуе». Неподготовленные клиенты эти интеллигенты.

Обвинитель. Я имела в виду не тех истеричных девчонок, что обивают пороги за кулисами, а серьезных и замужних женщин.

Герой. Тем более.

Обвинитель. И все же оправдание, что вы просто слабохарактерно поддаетесь соблазну, неубедительно. У вас есть друзья, которые, несмотря на эти же глаза и соблазнительно вертящиеся — как там у вас?..

Герой. ...нижние... фигурки.

Обвинитель. ...Всегда спокойно идут домой к жене и детям.

Герой. Положим, не спокойно, и не всегда, и не все...

Обвинитель. И все же пока еще, к счастью, часто.

Герой. Да, потому что у них есть жены и дети.

Обвинитель. Я думаю, вы меняете местами причину и следствие. Потому что они вовремя идут домой, у них есть жены и дети, а не только одни дети, и те неизвестно где, как у вас.

Герой. Люди от природы разные, вы это отлично знаете. Это гены и судьба. Одни имеют жен и детей от этих жен, а мне, видно, суждено иметь детей от чужих жен, и их мужьям суждено моих детей воспитывать. Это у меня от Бога (*Угрожающий гром.*) Опять помянул всуе?

Защитник (*зловещим шепотом*). Хуже! Это намек на святую деву Марию?

Герой. Вы что?! Ваша честь, и в мыслях не было! Просто так говорится — это у него от Бога... Это просто совпадение, то есть... Это не оправдание... И я не собираюсь равняться...

Защитник. Лучше молчите, пока не ляпнули еще чего-нибудь... (*Громко.*) И что следует из сказанного?

Обвинитель. Ничего пока еще не следует. Не торопитесь, господин защитник. Не пытайтесь все закончить побыстрее.

Защитник. Торопиться мне некуда. Там, внизу (*указывает пальцем*) меня ничего хорошего не ждет.

Обвинитель. Эта тема еще не завершена. Осталось, наверное, самое удивительное во всей этой истории. Имея такое количество связей и, если верить грешнику, еще больше предложений, он умудрялся нередко наведываться к профессионалкам.

Защитник. К кому, к каким профессионалкам?

Обвинитель. К женщинам, которые работают за деньги.

Защитник. К проституткам, что ли? Говорите по-человечески, в конце концов! Мы взрослые люди, в конце концов.

Обвинитель. Именно к ним. Но, разумеется, не к тем, кто бродит по подворотням. Рангом повыше, а по сути одно и то же. Признаете вы это?

Герой (*пожимает плечами*). Признаю, ну и что?

Обвинитель. Но я действительно не могу понять, зачем, при таком выборе? Что за ненасытность! Неужели вам не хватало секса?

Герой. Это совершенно различный секс. Просто ничего общего... Этого вам не понять, глядя из рая. Если бы вы хоть чуть-чуть разбирались в предмете! Или хотя бы были немного информированы. Или, на худой конец, смотрели бы наши телевизионные программы...

Обвинитель. Что бы я тогда поняла?

Герой. Масса литературы, телепередач и ток шоу о сексе. И что там без конца выясняют? Только одно! Как удовлетворить женщину. Как добиться ее оргазма. Вас эти вещи не шокируют?

Обвинитель. Не острите! Продолжайте.

Герой. Мы, оказывается, не знали, какой это тяжелый труд и целая наука. Те женщины, которые раньше были счастливы, теперь поняли, что их всю жизнь бессовестно обманывали и недодавали того, что им положено. Это повальный психоз. Сексуально образовавшиеся женщины теперь всех приближающихся мужчин мысленно или напрямую угрожающе предупреждают — поглядим, на что ты способен!

А добиться успеха в наше время стало очень непросто! Все всё знают, слышали, видели, читали. Сначала женщину надо разогреть, а греются они долго. Кто полчаса, кто сорок минут, а кто еще больше. Надо что-то непрерывно делать с ее эрогенными зонами, а они у каждой свои и все в разных местах... И для каждой — другой порядок возбуждения, другие способы. Да, целая наука! Пока ты добираться до дела, ни интереса, ни сил не остается. Только сознание исполненного долга и вечные сомнения, исполнил ли ты его достойно. Только от большой любви к женщине или от любви к искусству можно на такое идти... Мой товарищ, в прошлом большой ходок, недавно сказал мне: «Я не помню, когда последний раз получал удовольствие. Одна задача — доставить его другим». Как правило, сейчас командует парадом женщина, а мужчина только орудие труда, слепой исполнитель. «Чуть туда, чуть сюда, теперь так, теперь эдак...» Кому придет в голову спрашивать, как ему в этот момент?! При чем тут он?

Обвинитель. Ужас!

Защитник. Вот именно!

Герой. Это какое-то общественное помешательство. Многие мужчины избегают связей именно по этой причине. Вот, если хотите, из-за чего многие мои друзья бегут домой, к жёнам.

А с профессионалками — вы правильно их назвали — они недешевы, но это того стоит. Так вот с ними все иначе! Их не надо разогревать, они всегда горячи и в рабочем состоянии. Они думают не о себе, а только о тебе. Ты можешь расслабиться, осмелеть, можешь позволить себе все, слыша в ответ только восторги и похвалы. Нет, это совсем другой секс, уверяю вас! Это тот счастливый случай, когда можно сказать словами Жванецкого: «Ты женщина, ты должна: раз — лежать, и два — тихо», — и при этом не получить по физиономии. Оттуда уходишь довольный и с гордо поднятой головой. Там ты восстанавливаешь свое израненное самолюбие и расстроенную нервную систему.

Обвинитель. Сам факт прелюбодеяний с ними признаете?

Герой. Признаю.

Обвинитель. А раскаянья не чувствуете?

Герой. Нет.

Защитник. И у меня нет!

Обвинитель. А вы тут причем?

Защитник. А что, разве я не человек? Эх! Как будто вчера это было! *(Спохватывается.)* Ваша честь, я что хочу сказать. Жрицы любви были две, три, четыре тысячи лет тому назад. И с нашей стороны будет нескромно переписывать столь древние традиции. Это с одной стороны. А с другой — с женской сексуальным беспределом надо что-то делать, пока они нас всех насмерть не распугали. Я прошу высокий суд внести частное определение по этой очень важной проблеме. *(Садится. Герою на ухо.)* Что ж... Я боялся, что будет хуже. Но для начинающего адвоката вы справились совсем неплохо. Главное, линия защиты не пострадала.

Затишье перед очередной бурей.

Обвинитель *(встает, подходит к герою).* Пойдем дальше. Нам известно, что вы любили. И сильно любили. Было такое?

Герой *(неохотно).* Было...

Обвинитель. Почему не женились? Отвечайте суду!

Герой. Да, с семейной жизнью не получилось. И не нужно думать, что я этому радовался. Хотя понимал, что моя вина в этом большая.

Защитник. Прошу обратить внимание на раскаяние!

Герой. Я действительно слишком долго наслаждался холостой жизнью, и только впоследствии понял, что судьба этого не прощает. Я пропустил время, когда еще можно было найти своего человека.

Обвинитель. Не поняла.

Герой. После сорока... и далее... у тебя волей-неволей появляются женщины из другого поколения. И так получилось, что другое поколение оказалось совсем из другой эпохи. Точнее из другой эпохи оказался я. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

Защитник. Пушкин, Александр Сергеевич. Имею честь быть лично знаком.

Герой. Как, и он в аду?!

Обвинитель. Этого вам пока знать не положено. Учтите одно — общественное признание еще не гарантирует место в раю.

Защитник *(подмигивает герою. Шепотом).* Но резко повышает шансы туда попасть. *(Громко.)* Ваша честь, уважаемый суд, позвольте мне принять участие в перекрестном допросе преставившегося. *(Гром-согласие.)* Благодарю. *(Поворачивается к герою.)* Насколько я понял, найти контакт с «племенем младым и незнакомым» оказалось непросто?

Герой *(уклончиво).* Ну почему... Смотря в каком смысле. И смотря какой контакт. Если прямой, то стоит только крикнуть: «Контакт!», — и сразу в ответ: «Есть контакт!»

Защитник. Ха-ха... Хорошо сказано! Но я не об этом. Вас в своё время отличала своя любимая лирическая тема — уважение и даже преклонение перед советской женщиной. «Нашей женщиной», как вы обычно с восторгом называли ее...

Герой. Да, мой второй диск так и назывался — «Наша женщина».

Защитник. Вы называли ее нашей совестью, нашей опорой и силой. В семье она была основой, фундаментом. И муж, и дети были за ней, как за каменной стеной. Прошу подумать и ответить: почему в последние годы эта тема исчезла из вашего репертуара?

Герой *(уклончиво).* Не знаю, постарел, наверно...

Защитник. Вы в то же время очень иронично относились к нашему мужчине. Не выдержал он нашей мясорубки, потерял лицо, забился под каблук и запил с горя? Так, примерно, вы пели?

Герой. Примерно так. И сейчас тоже есть пара песен на эту тему... Но наш мужчина мало изменился. Немного отрезвел, а так его еще можно узнать.

Защитник. А женщина? Не скромничайте, здесь все свои. Ее можно узнать?

Герой. «Наша женщина», та, о которой я пел, состарилась или вымерла. Простите, переселилась к вам, сюда. Родилась новая женщина. Другая.

Защитник. Новые вам нравятся меньше?

Герой. Они даже красивей тех, которых я называл «нашими женщинами». Некрасивых теперь почти нет. Отличный макияж, хорошо не то одеты, не то раздеты — сразу даже не поймешь. Что под этим оформлением — непонятно, да и не имеет значения.

Защитник. Это святая истина. *(Увлекается.)* У них там сейчас сама женщина является только заготовкой, холстом, на который наносится картина. Один мой сокамерник у нас, внизу, мне рассказывал. Он двадцать лет прожил с женой на земле и ни разу не видел ее без макияжа. И вот однажды этот муж, как в анекдоте, вернулся не вовремя из командировки, открыл дверь — и опешил, встретив привидение. «Ты кто?» Привидение вскрикнуло голосом его жены и умчалось приводить себя в божеский вид. После чего муж оказался у нас в аду, и не жалеет об этом. Ха-ха... *(Спохватывается.)* Простите, ваша честь. *(Герою.)* Продолжайте. Итак, новые женщины стали красивее...

Герой. Безусловно. И откровеннее. И бойчее. Намного больше следят за собой и, соответственно, намного меньше за нами. Новые женщины знают себе цену. Часто, они эту цену открыто требуют. Как на аукционе. В условных единицах или, на худой конец, в уровне жизни. И большинство новых женщин в семейной жизни не опора, а бойцы. «Пусть неудачник плачет». И даже клянет свою судьбу. Чаще всего этот неудачник — мужчина.

Защитник. Вы по-прежнему любите их?

Герой. Женщин? Конечно. С любовью все в порядке, а вот с верой и надеждой стало сложнее. Я, как и прежде, люблю их как женщин, но опасаясь ... как людей. Не знаю, чего от них можно ожидать.

Обвинитель *(насмешливо, полупрезрительно).* Это мне понятно! Когда они безропотно тащили на себе семью, мужа, детей и народное хозяйство, женщины вам больше нравились!

Герой. Честно говоря, да. С новыми намного легче жить, чем дружить. С «нашими женщинами» было иначе. *(С тяжелым вздохом.)* И «наша женщина» вслух не ругалась матом...

Обвинитель. Ужас!..

Защитник *(сочувственно).* Это общий процесс во всем мире. Равноправие, эмансипация, сексуальная революция ...

Герой. Я это вижу, не слепой. Но наши женщины сделали слишком большой скачок за слишком короткое время, вот в чем проблема. Такое изменение в единицу времени переварить трудно. Огромный контраст. Опять впереди планеты всей.

Обвинитель. Красивый образ, ничего не скажешь! Поэтический. Готовая песня. А по существу все то же. То есть вы, господа, опять пришли к выводу, что не вы виноваты, а только обстоятельства и женщины. Завидное однообразие!

Защитник. Уважаемая госпожа обвинитель. Мы не говорим «виноваты», мы говорим «разделяют вину». Моральный аспект — это, прежде всего, отношения женщины и мужчины. А правосудие — это весы. Что же удивительного в том, что мы невольно возвращаемся от Адама к Еве, а потом, наоборот, от Евы к Адаму?

Обвинитель. Сегодня вы, господин Касс, воинственно настроены против женщин. *(Ехидно.)* Раньше за вами этого не замечалось!

Защитник. Я, как и подзащитный, не скрывал, что всегда любил женщин, иначе я не был бы там, где сегодня нахожусь. Я тоже любил их как женщин, но недостаточно опасался как людей. За что и пострадал. *(Становясь серьезным.)* Но вернемся к нашим

баранам. Напоминаю, вы задали вопрос: «Почему не женились?» Один раз он практически женился.

Обвинитель. Я не понимаю, что значит практически. *(Роется в документах.)* Тут не сказано... Так он женился?

Защитник. Хуже, намного хуже!

Герой. Я не хотел бы об этом...

Защитник. Нужно, дорогой мой, обязательно нужно. *(На публику.)* Хотя я ценю вашу скромность! Надеюсь, и высокий суд ее тоже оценит. Преставившийся, где ваша первая в жизни приличная квартира, добытая только двенадцать лет тому назад? Плоды трудов и вдохновенья, как говаривал мой знакомый Александр Сергеевич?..

Герой. У меня есть право не отвечать?

Защитник. Есть, но тогда отвечу я. В ней живет сейчас та самая мистресс, о которой вы, уважаемая госпожа, с таким сочувствием недавно упоминали. Но теперь она там живет на правах хозяйки. Неожиданно для моего подзащитного, как гром среди ясного неба, она родила ребенка. Не будем уточнять, чей он, этот ребенок, это не принципиально. Но потерпевшему в результате удалось спасти только машину, и то он угнал ее незаконно, аки тать в ночи. В борьбе с судами, журналистами и общественным мнением у него шансов победить не было. А ребенок, отвечаю на молчаливый вопрос уважаемых заседателей, с тех пор живет у бабушки на Алтае. Живет неплохо, несмотря на то, что алименты пострадавшего до него не доходят. Во всяком случае, я могу понять, почему преставившийся с тех пор боялся потерять вторую квартиру.

Обвинитель. Вы ждете соболезнований? Их у меня нет. Как аукнется, так и откликнется. *(Презрительно.)* Он сам искал таких — «со взаимным удовольствием». И нашел. Два сапога пара.

Защитник. И на том спасибо! Это прогресс. Вы уже признаете, что сапога два. А раньше утверждали, что сапог только один. У меня пока все. Благодарю за внимание. *(Садится. Герою.)* Это уже кое-что!

В последующих трёх коротких эпизодах обвинитель усиливает драматизм ситуации,

повышает голос, делает всё это мастерски.

Обвинитель. *(торжественно)* Позвольте, ваша честь, сообщить, какие выводы обвинение сделало в результате первой части допроса новопреставившегося. Он признает большинство фактов преступного легкомыслия и плотской греховности, но чаще всего находит себе какое-либо оправдание или, на худой конец, объяснение. Обвинение не видит на данном этапе следствия большого раскаяния. Нам кажется, что если бы этому грешнику представилась возможность жить сначала, то он бы... *(Неожиданно и очень резко, застав героя врасплох.)* Вы бы вели себя так же? Отвечайте Господу нашему!

Герой *(растерянно)*. Да, примерно!..

Обвинитель. Что и требовалось доказать. Прошу занести в протокол.

Защитник. *(Герою)*. Тут у нас прокол. Вы оказались не готовы. Я же говорил, это мастер высокого класса! Ничего, есть ещё время сравнять счёт. Соберитесь милый мой, соберитесь. Борьба продолжается.

Обвинитель. *(ещё торжественней)* А теперь позвольте мне высокому суду и уважаемому жюри представить иную причину морального разложения обвиняемого. Не те, которые с таким чувством нам дуэтом расписали новопреставившийся и его адвокат. Я имею в виду образ жизни, который вел обвиняемый последние два-три десятка лет. Такая жизнь не могла не привести к деградации человека.

Защитник. *(Герою)*. Внимание, домашняя заготовка!

Обвинитель. Если не было концертов, наш грешник каждый вечер, как на службу, уходил на так называемые тусовки. Что в переводе на общедоступный язык означает встречи, приемы, вечеринки с обязательным застольем и более-менее обильными возлияниями. А если были концерты, то всё начиналось после них. Дома, на гастролях – не важно. Каждый божий день, ваша честь! Я хочу быть объективной и не стану утверждать, что обвиняемый там обязательно напивался. Нет, такое происходило довольно редко. Но он обычно пребывал в состоянии, которое по-французски звучит красиво: «подшофе». Повторяю, каждый божий день, ваша честь! В этом состоянии все легко, все доступно, все прекрасно... И естественно, очень часто общения только на духовном уровне не заканчивались. Уважаемый суд понимает, что я имею в виду?

Защитник. Чего уж тут не понять!

Обвинитель. Но главное, что такое времяпрепровождение являлось основной причиной случайных связей, легкомысленных, необдуманных поступков, всего, чему существует не мною придуманное определение — сладкая жизнь. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

И вот апофеоз:

Глубокоуважаемый высокий суд. Глубокоуважаемые судебные заседатели! Пора обобщить жизненную позицию новопреставившегося грешника. Дело в том, что женщины — только один из примеров, правда, самый яркий, отношения его к окружающим и к самой жизни. Забота о ком-то, ответственность перед кем-то, обязанности – обвиняемый всего этого избегал, как огня. Главным и единственным критерием было его желание. А желал он, я бы даже сказала - жаждал, только двух вещей – удовольствий и успеха у зрителей. Да, наслаждение и успех были двумя идолами обвиняемого. Он много лет стремился к сладкой и лёгкой жизни. И добился её! *(садится на место, довольная собой и произведённым впечатлением).*

Защитник. Протестую!

Герой. Нет, это я протестую! Я возмущен!

Защитник. И я возмущен! *(Герою.)* Милый мой, позвольте мне, наконец, исполнять свои обязанности. *(В зал.)* Ваша честь! Я тоже протестую. Протестую против определения «легкая». Я, ваша честь, хочу высокому суду объяснить то, о чем говорить подзащитному нелегко. Из скромности. Прочту отрывок из земной рецензии. «В каждой своей песне он проживает кусок жизни, в каждой песне остается часть его души». Остается часть души! Уж не обижайтесь на меня, уважаемая госпожа обвинитель, я бы мог понять, если бы какой-нибудь грузчик в магазине сказал такое — вышел артист, поговорил пару часов — и деньги в кармане. А ведь жизнь популярного артиста – тяжелейший труд и огромное напряжение. Нет уж, мой подзащитный свой хлеб, пусть даже хлеб с маслом, добывал очень нелегко. Для артиста, который один на сцене, каждый концерт, даже концерт проверенный и обкатанный — это момент истины. В зале сотни человек. А артист под прожекторами один. И некому тебя подстраховать, поддержать в трудную минуту, когда все валится из рук. А это бывает нередко. А если к тому же ты автор музыки и текстов? И уважаемый поэт? И популярнейший артист? Какое огромное напряжение! Ты не можешь позволить себе опуститься ниже определенного уровня. А муки творчества? А вечное недовольство собой? Нет, это нелегкий кусок хлеба. Даже если он с маслом... *(Замечает кислую физиономию героя.)* Почему вы морщитесь, дорогой мой? Адвокат тоже должен быть актером. Знаю, что по вашим меркам я переживаю; но у меня пафос, я так привык. В свое время дамы толпами ходили на мои концерты в суде. Но если отбросить пышную форму, то все, что я сказал о вас, святая правда, и я прошу высокий суд мое заявление от слова и до слова занести в протокол. *(Защитник и герой обмениваются демонстративным рукопожатием).*

Обвинитель. Хорошо, обвинение снимает определение «легкая жизнь» как неточное. *(Защитник и герой снова обмениваются демонстративным рукопожатием.)* Но жизнь разгульная, эгоистичная ... и грешная – эти определения обвинение выдвигает взамен. Точно так же не вызывает сомнений, что ваша неугомная страсть к наслаждениям, преставившийся, — это и есть сладкая жизнь. Она тоже требует жертв.

Герой. Нет, тысячу раз нет! Я протестую!

Защитник. Ну хорошо, протестуйте, только прошу вас, без авантюры. Выдержка прежде всего. Не вздумайте испортить достигнутое с таким трудом.

Герой. Сладкая жизнь! Нашли, что осуждать... Только лет десять назад у меня появилась более-менее приличная квартира, машина, деньги — то, что давно положено мне по... по... *(Подыскивает слово.)*

Защитник. По трудам моим.

Герой. По трудам моим. Я всё это честно заработал. И заработал давно. А получил совсем недавно.

Защитник. И то ненадолго. Хи-хи... Бедная наша мистресс...

Герой *(отмахнулся).* Сейчас не об этом речь. Сладкая жизнь! Всё время на колёсах. В самолётах. Всю жизнь в гостиницах. Режим вечно вверх тормашками. Ешь, где придётся, что придётся, когда получится. Желудок ни к чёрту... Нашли чему завидовать. Это в отпуске хорошо. А изо дня в день? Перекати-поле какое-то... *(Становится себя жалко до слёз, всхлипывает).* Сейчас хоть деньги есть. А раньше что было? Напомнить вам? В советские годы выдавали нам гроши. Нас не выпускали из страны, как арестантов. А цензура? Как это назвать? Какой жизнью? Сладкой? Мне интересно, здесь присутствующие — я не имею в виду господина Касса из ада — не чувствуют никакой неловкости за то, что мы так постыдно жили на одной шестой части земли? Никакого комплекса вины? *(Настойчиво.)* Ни у кого из присутствующих?

Защитник. Свят, свят, свят!.. На что замахиваетесь?! Остановитесь, милый мой! Себя не жалеете, хоть обо мне подумайте...

Герой. А вам-то что терять?

Защитник. Как что? Командировки. Один свет в окошке!

Обвинитель *(возмущенно).* Меня вы не смеете обвинять!

Герой. Я не обвинял...

Обвинитель. Ну, намекнули. Я пострадала никак не меньше вашего. Вам меня упрекать не стоит. Между вашей судьбой, новопреставившийся, и моей есть большая разница.

Защитник. Спокойно, господа, спокойно! Погасим страсти. *(Раздается предупреждающий гром, но на него никто не обращает внимания.)*

Герой. Есть принципиальная разница, не сомневаюсь.

Обвинитель. Давайте-давайте, выкладывайте, что у вас на уме. У нас демократия!

Защитник. Но не до такой же степени?

Обвинитель и герой сцепились, не слышат и не видят ничего вокруг.

Герой. За что вас взяли в тридцать седьмом году?

Обвинитель. Ложно обвинили в том, что я против советской власти.

Герой. А вы не были против?

Обвинитель. Ни сном, ни духом.

Герой. Вот так и обо всех жертвах репрессий говорят — мол, их ложно обвинили. И что хорошего в том, что ложно? Значит, вы были не против?

Обвинитель. В общем, нет...

Герой. Тогда вам не на что обижаться. Когда советская власть уничтожала других, вы не были против нее. Почему? Должны были быть против. Хоть в душе. А когда коснулось вас... Вы жертва террора, но, простите меня, не такая уж невинная. Вы юрист, уж вы-то должны были понимать, что к чему.

Обвинитель *(сначала всхликает, потом, неожиданно даже для себя, скисает).*
Да, это так. Это так... Было страшно...

Герой. Не хотел бы это говорить, но уж очень вы меня задели за живое. Нам было не так страшно, но мы тоже боялись. И даже сейчас не то чтобы боимся, но...опасаемся.

Обвинитель. Что вы можете знать о страхе...

Герой. Поверьте мне, боялись. Хоть это было не при Сталине, а при Брежневе. Просмотрите ваши записи на экране — сколько людей в те времена после концертов подходило ко мне с одним и тем же вопросом: «Как вы не боитесь петь такое? Галича уже из страны выгнали! Так и посадить могут».

Защитник. Подтверждаю документально!

Герой. И родные за нас опасались, все было. При желании власти всегда нашли бы, за какие грехи наказать строптивого. Всегда была возможность нас чего-то лишиться, чего-то нам недодать, куда-то не пустить. Даже господин Касс, находясь в аду, — куда уж дальше, — боится, что больше не получит командировки на суд. Даже в аду нашлось, что отнять! Отнять всегда найдется что.

Защитник. Вот она, благодарность! Защищай вас после этого! Плакали мои командировочки...

Герой. И даже сейчас, при демократии. Попробуй пошутить вверх по победившей вертикали – и прощайся с телевиденьем навеки. Слово – вещь опасная. Вертишься ужом... Не такая уж эта жизнь сладкая...

Обвинитель. *(резко меняя тему).* А позвольте вам задать вопрос о вашей работе?

Герой *(живо откликается).* На эту тему сколько угодно и когда угодно!

Защитник *(не ожидая от этой темы ничего хорошего).* У нас суд или литературная дискуссия, в конце концов?

Обвинитель. Не просто суд, а Высший суд! *(Герою.)* Неужели вы сами не замечаете, что в вашем творчестве что-то изменилось? Что-то принесено в жертву. Вы перестали понимать, о чём люди думают. Вы слишком хорошо и легко живёте. И отношение к вам зрителей изменилось. Вы согласны со мной?

Герой. И да, и нет. Есть еще одна причина, и может быть, основная. Дело в том, что я сейчас не знаю, что сказать. А раньше был уверен, что знаю. Раньше было тяжелее, но, с другой стороны, и намного проще. Мы верили, что виновата ужасная советская система. А сейчас? В чём причина? Я действительно не знаю, как быть и что делать. Я растерялся. Где уж тут советовать другим. *(Постепенно возбуждается. Чувствуется, что эти мысли его расстраивают давно. Начинает нервно вышагивать по сцене, жестикулировать.)* Что вы мне прикажете проповедовать? О чем говорить? Я не знаю, за какие идеалы бороться. Какие ценности отстаивать. Не знаю. Потому и пою сейчас о травке, цветочках и закате. И о любви в виде секса.

Обвинитель. Вы отлично знаете, за какие идеалы вам следовало бы бороться. За вечные идеалы и истины. За добро, любовь друг к другу, помощь, сочувствие. За сострадание. За этими идеалами стоят вера и религия. Они никогда не подведут. Это проверено на практике веками.

Герой. Вот практика меня и смущает...

Защитник *(заинтересованно).* Что именно смущает?

Герой. Кто самый незащищенный человек на земле?

Защитник *(заинтересованно).* Кто?

Герой. Это человек добрый, честный и искренний. Тот, который добросовестно следует вечным истинам. Ему больше всего шишек достается, и у него, как правило, нет шансов на успех в жизни. Человек с открытой и чистой душой — это почти всегда несчастный человек. Это не теория, а реальность. Как же можно убеждать людей быть такими уязвимыми? Знаете, я иногда думаю — какой родитель станет учить своего ребенка искренне верить в эти истины? Любящий родитель не будет. Не захочет видеть

его борцом за правду. Не пожелает ему такой тяжелой судьбы. Обязательно накапает ему в душу противоядие от идеалов, если он любящий родитель.

Защитник. О Господи!

Раздается по-настоящему угрожающий гром.

Герой. Опять невпопад?

Защитник. Невпопад? *(Трагическим шепотом.)* «Любящий родитель не будет учить...бороться за правду, не пожелает тяжелой судьбы...». Теперь это намек на самого Иисуса Христа? Мало вам было девы Марии?

Герой *(задумчиво, но не испуганно).* Я, конечно, не имел в виду этот случай. Я говорил в общем... Но если вспомнить, чем все кончилось две тысячи лет тому назад для самого Иисуса...*(Еще более угрожающий гром.)* Молчу, ваша честь, молчу... Или уважаемые апостолы тоже все один за другим... *(Гром.)* Молчу, ваша честь, молчу... Но что-то здесь не стыкуется...

Обвинитель. Вы отдаете себе отчет, обвиняемый? Вы замахнулись на основы основ!

Герой. Ни на что я не замахиваюсь. А задаю себе вопрос: почему в реальной жизни получается так — ты либо грешник, либо дурак? Выбор небольшой.

Защитник *(озадачен).* Действительно, парадокс!

Герой. *(Медленно, явно размышляя о том, о чем говорит.)* Как-то получается, что наши идеалы идут только себе во вред. Или мы учим не тому, что нужно для счастья, или мир не такой, каким он должен быть... Но мир я переделать не могу, это не моя епархия. *(Предупреждающий гром.)* Молчу, молчу... Но сомнения остаются. *(Гром.)* Молчу, молчу... *(Пытается себя остановить, но не может удержаться.)* Но теперь, признаюсь вам, стало еще непонятнее и страшнее. Здесь, у вас на небе, я запутался окончательно, и мысли в голову лезут самые ужасные. Кто виноват? Никто? Там, на земле, я был почти уверен, что Бога нет...

Защитник. Стоп! Умоляю вас, остановитесь! Куда вас несет? В ад? Зачем тогда я нужен?

Герой *(только отмахнулся).* Я был убежден, что если были Гитлер и Сталин, то Бога быть не может. Оказывается, они прекрасно сосуществуют! А весь этот страшный бардак, который, особенно последние годы, творится на земле? И с каждым днем все страшнее... Теперь у меня вообще ум за разум зашел. Это все от Бога? *(Сказал и испугался, втянул голову в плечи. Защитник рядом сидит ни жив, ни мертв.)*

Защитник. Все. Теперь все. Ждем испепеления.

Со стороны Бога полная тишина. Нет реакции.

Обвинитель. Ваша честь, можно я попытаюсь ответить? *(Молчание.)* А, ваша честь? *(Молчание.)* Спасибо, ваша честь! *(Молчание.)* Попробую на свой страх и риск. *(Герою.)* Я вас прекрасно понимаю. Вы хотите, чтобы опять стало так же просто, как было раньше. Чтобы опять был виновный. Тогда виновной была система, советская власть, а на этот раз Господь Бог. Главное, чтобы было на кого свалить. А для чего Господь дал людям разум? Чтобы решать за вас ваши проблемы? Нет уж, дали вам разум, извольте им распорядиться с толком! *(Раздался одобрительный гром. Господь явно оживился. Осмелела и 2-жа обвинитель).* А если не сможете, если уничтожите сами себя, значит, мир останется без вас. И это будет справедливо. Значит, опыт создания homo sapiens закончился неудачей. Я надеюсь, моя мысль понятна?

Защитник. Свят, свят, свят... *(Пытается прекратить опасное направление дискуссии.)* Ваша честь! Я не пойму, мы тут решаем судьбу моего подзащитного или судьбу мироздания? Я настоятельно прошу новопреставившегося и глубоко уважаемую госпожу обвинителя вернуться, фигурально говоря, на грешную землю. Оставить в покое космос и всех остальных юмористов и гитаристов до их появления пред ваши светлые очи. *(Одобрительный грохот сверху.)* Спасибо, ваша честь.

Обвинитель. Спасибо, ваша честь. Слушаюсь, ваша честь. Вернемся к грехам обвиняемого.

Герой. (*Безнадежно машет рукой*). Ушли от ответа. Знакомая картина. Везде одно и то же.

Обвинитель. На чем я остановилась до того, как вы меня сбили с толку? Вечно втягивают нас в дискуссию. С этими деятелями искусства совершенно невозможно работать. Не увильвайте от ответственности, речь шла о ваших личных грехах. Есть они или нет?

Защитник. (Дёргает героя за рукав) Конечно есть.

Герой. (Упрямо) А я не уверен.

Обвинитель. Слышите, Ваша Честь?

Защитник. Как это нет, почему нет?

Герой. То, что вы называете грехом, я считаю своим личным делом. Я никому жить не мешал, все остальное оставьте мне.

Обвинитель. И вы действительно считаете, что мудрость, которой несколько тысяч лет, для вас не указ? Что ваша личная жизнь никого, даже Господа, не касается?

Защитник. Нет, эта линия защиты безнадежна. Поверьте моему опыту, безнадежна.

Герой. Всю жизнь я был что-то кому-то должен. Был пред Родиной вечно в долгу, перед обществом, перед цензурой, начальством. Перед соседками-старушками. Надоело притворяться! Хочу — то есть хотел — поступать, как считаю нужным, не оглядываясь вечно по сторонам. Честно и открыто. Не мешая другим!

Обвинитель. Так не бывает! Вы не можете никому не мешать. Это наивно. Особенно вы и такие, как вы. Все вы связаны множеством нитей с огромным количеством людей. Скольким людям, и не только женщинам, вы, лично вы, нанесли вред, сам того не замечая?

Герой. Вред? Не думаю.

Обвинитель. Именно не думая! Знаете, на что похожи ваши отношения с людьми? Особенно последние годы? Вы, как трудолюбивая пчела, перепархивали с цветка на цветок, собирая нектар удовольствий, а затем улетали, помахав на прощание крылышками. Только пчела еще опыляет при этом...

Защитник. Прекрасное сравнение, дорогая госпожа обвинитель, но неточное. Кое-кого он успевал опылить. Не то десять, не то восемь цветочков. Хи-хи....

Герой. И ты, Брут?

Защитник (*разводя руками*). Истина дороже, милый вы мой! Как можно на высшем суде, на суде ВЕРЫ, успешно защищать грешника, который ни в чем не хочет раскаяться! Грешить хотел, а каяться не хочет. Так нельзя работать! Остается только одно — отречься! Отрекаюсь!

Обвинитель. Сколько разочаровавшихся на вашем счету? Сколько зараженных вашим равнодушием и бесчувственностью? Я, подчеркиваю, говорю о личных отношениях. Вы никого по-настоящему не любили и не сделали счастливым. За всю жизнь никого не сделали счастливым!

Герой. А зрители? Читатели?

Обвинитель. Вы любили зрителей за то, что они любили вас. Потому что уже давно вас никто по-настоящему не интересуется. Только вы сами, ваш успех, ваше здоровье, ваши доходы.

Защитник (*на этот раз серьезно*). Поймите, дорогой мой, в этом мы с уважаемым обвинителем едины. Для нас главное, чтобы вы поняли и покались. Это не вмешательство в вашу личную жизнь, мы говорим о судьбах других людей, которым мы слишком часто, сами того не замечая, приносим боль и горе.

Обвинитель. И этим приносим боль себе. Говорят, что глаза — зеркало души. (*На экране крупным планом глаза героя*). Вы узнаете эти глаза?

Герой. Н-н-нет... (*Почти беззвучно.*) Где-то видел... Усталые, грустные....

Обвинитель. Человек поздно идет домой. Почему-то покалывает сердце, на душе муторно. Хотелось бы уткнуться в теплый затылок, пожаловаться тихонько и уснуть. Это ваши глаза. Это вы идете в пустой дом. Вот оно, ваше право на независимость. Какой вывод вы делаете?

Защитник. *(Пытается подсказать).* Ну, ну!...

Герой *(искренне).* Какой вывод тут сделаешь? Жизнь сложная и часто очень жестокая штука. И не похоже, что она когда-нибудь станет лучше.

Обвинитель *(всплеснув руками).* Жизнь?! Виновата только жизнь?! А вы где?

Герой. *(Упрямо).* А я всего лишь часть этой жизни. Такой её создал не я.

Обвинитель. *(Решительно)* Все. У меня все. На этот раз действительно все! Позвольте мне, ваша честь, отказаться от заключительного слова. Вместо этого хочу обратиться к новопреставившемуся грешнику со словами сочувствия и сожаления. Главная заповедь христианства — «Возлюби ближнего, как самого себя». Ближнего! А если у человека просто нет ближнего, у бедняги, если он любит только себя, то его можно от души пожалеть.

Защитник. Мне нечего добавить, ваша честь. Разве что одно. Как часто мы понимаем все это, когда слишком поздно...

Обвинитель. Новопреставившийся, вам заключительное слово.

Герой *(встает).* Не знаю, что сказать высокому суду. Я не был святым, но это еще не означает, что был грешником. Жил как умел. Ни хуже, ни лучше многих других. Могу сказать одно: жить в нашем мире было ох как непросто. И каждый сам по себе. Почему так, кто в этом виноват — не мне судить. *(Еле слышимый гром. Герой почти не реагирует - привык).*

Обвинитель. Нет раскаяния. Определённо нет!

Герой. И честно говоря...

Защитник. Все, теперь его не остановить. Я умываю руки...

Герой. Честно говоря, здесь вопросов без ответа стало еще больше, чем их было у меня на земле. И многое требует разъяснений.

Защитник. Требуется разъяснений! Ни больше, ни меньше!

Герой. И прежде всего, я вообще не понимаю эту затею с раем и адом!

Немая сцена, обвинитель и защитник замирают в ужасе.

Преступников на земле, ваша честь, немного, а святых и того меньше. Мне они не попадались. Все остальные грешны в той или иной степени. Разница небольшая. Как же можно отделить тех, кто попадет в рай — подумайте, в РАЙ! *(смотрит в упор на обвинителя)* — на вечное блаженство по самому наивысшему разряду, от тех *(машет рукой в сторону защитника)*, кто получит путевку в ад крошечный на вечные муки? Неизмеримый диапазон. От вечного блаженства до вечных мук! Такое различие, что простому смертному даже представить себе невозможно, и на каком основании? Какая, может быть, мельчайшая капля может перевесить и так круто изменить на веки вечные загробную жизнь для человека? От самой изумительной до самой страшной... Без полутонов... Если большинство людей примерно одинаковы? Из-за какой-нибудь ерунды? Один когда-то перевел старушку через дорогу, а другой нет? А может, другому старушка просто не попала? *(Обвинитель и защитник смотрят с сомнением друг на друга, потом невольно переводят вопрошающие взгляды на Господа.)* Как решить? Может ли быть при этом справедливость в принципе? Даже в идеале? Не хотел бы я оказаться на вашем месте, при всем уважении к вам, ваша честь. Даже сейчас, когда вы решаете мою судьбу. Не взял бы на себя ответственность... *(Герой явно доволен собой. Уел Господа Бога. Защитник смотрит на него с невольным восхищением. Затем испуг перевешивает).*

Обвинитель. Обвинение ничего не предлагает. Я с верой жду решения высокого суда. И хотим мы этого или нет, уважаемый господин защитник, а это решение будет прецедентным. Задано слишком много вопросов, которые нуждаются в ответах.

Защитник. Похоже на то, уважаемая госпожа обвинитель. Мы с верой ждем решения высокого суда.

Герой. Я тоже жду решения суда с тревогой и верой... *(Пауза.)* И с надеждой. Я тоже надеюсь, что приговор разрешит все сомненья. *(Неуверенно.)* Или почти все.... Хоть некоторые... Очень надеюсь!

Обвинитель. Ждем решения.

Защитник. Ждем решения.

Герой. Жду решения.

Гром, молнии, с трудом узнаваемое «Боже, царя храни». Затем усиливаются багровые отблески, в музыке угадывается начало пятой симфонии Бетховена, смех Мефистофеля. На экране появляются клубы багрового дыма и даже рожки чертей в нижнем углу. Неожиданно страсти перебивает тема «Сомнений» Глинки, сцена и экран голубеют, в музыке появляются темы «Лакримоза» из реквиема Моцарта, «Аве Мария» Шуберта. Затем — хаос из всех тем сразу. Неожиданно на сцене гаснет свет, раздаётся раздражённый гром, хаос мелодий превращается в свист реактивного самолёта. Под этот свист на экране кувырком сквозь тучи летит герой, затем он плавно приземляется на операционный стол. Крупным планом наклонившиеся над операционным столом лица врачей. Женский голос: «Он вернулся, вернулся!..» Мужской: «После восьми минут клинической смерти — это настоящее чудо! Вы живы, счастливчик, живы! Вы живы!..» Эхом разносится по залу: «Жи-и-ивы! ВЫ ЖИВЫ!..»

Музыкальная тема, к примеру, «Ода к радости» из 9-й симфонии Бетховена. Под эти звуки на авансцене появляются Герой, Обвинитель и Защитник. Выходят на поклон.

Лозовский